

Густав II Адольф

Ю.Е. Ивонин, А.А. Ходин

Знаменитого шведского короля Густава II Адольфа называли «Снежный король», «Северный лев», а попавшие в шведскую армию итальянские наемники именовали его «Золотой король» за цвет волос с золотым отливом. Светловолосый широкоплечий гигант словно древний викинг стремительно ворвался летом 1630 г. с сурового севера в европейскую историю, произведя поворот в ходе Тридцатилетней войны, и через два года с небольшим, 16 ноября 1632 г., погиб в битве при Лютцене, оставив глубокий след в памяти современников и последующих поколений. В протестантской иконографии долгое время обыгрывался примечательный момент знаменитой высадки шведской армии во главе с королем на острове Узедом в устье Одера (Пеенемюнде) в северной Германии 4 июля 1630 года. Когда корабль уткнулся носом в прибрежный песок, король поскользнулся на узкой дощечке, переброшенной на берег с носа корабля, и опустился на одно колено. Этот эпизод изображали как молитву протестантского героя о том, чтобы бог благословил его на защиту справедливого дела, хотя сам Густав Адольф никогда не сомневался в намерении совершить экспедицию в Германию.

Густав II Адольф выделялся не только ростом, его было видно издали из-за пристрастия к одежде красного цвета. Его любимый красный замшевый колет, простреленный в нескольких местах, послужил главным доказательством гибели шведского короля в глазах императора Священной Римской империи Фердинанда II. Благодаря красному плащу Густава Адольфа видели сразу и его офицеры и солдаты. Он был воплощением уже становившегося редким в те времена типа «короля-главнокомандующего», который не только правит и царствует, но подобно вождям древнегерманских племен и средневековым королям ведет войска на поле битвы и сам непосредственно участвует в сражении, вдохновляя их личным примером. Он мог орудовать не только шпагой и пистолетом, но и саперной лопаткой. Шведский король носил на голове, как и его солдаты, бровную шапочку. С годами его белая кожа на лице потемнела, а светло-голубые глаза сузились. Он голодал,

Ивонин Юрий Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор. Смоленский государственный университет; *Ходин Алексей Анатольевич* — старший преподаватель Смоленского филиала Академии управления и права.

мерз от холода и испытывал жажду вместе с солдатами, мог проводить без перерыва по пятнадцать часов в седле и идти в сапогах по шиколотку по грязи и крови. Но Густав Адольф любил также основательно поесть, из-за чего растолстел и отличался неповоротливостью и неловкостью. Он был счастлив, когда у него родилась дочь Кристина, которую он на поднятых руках представил членам Государственного совета.

Густав II Адольф был выдающимся государственным деятелем, реформатором и полководцем, значительно укрепившим позиции Швеции в Европе и положившим начало шведскому великодержавию XVII — начала XVIII века. В шведской историографии он долгое время выступал именно в таком качестве. Основными пунктами в иконографии этого короля были величие Швеции и спасение немецкого и европейского протестантизма, его роль протестантского мессии. Меньше внимания акцентировалось на том, что шведское великодержавие было подготовлено Густавом Адольфом и его предшественниками до Тридцатилетней войны с помощью экспансии и войн за господство на Балтике с Польшей и Россией, сопровождавшихся грабежом завоеванных территорий и прямым пиратством на море. Апологетические оценки Густава II Адольфа преобладали в шведской литературе до 60-х гг. прошлого века, а затем акценты стали смещаться на отдельные проблемы его государственной и экономической политики, где личности короля уделялось уже несколько меньше внимания¹. Если для протестантов Густав Адольф был спасителем Реформации и мучеником за веру, то для католиков — воплощением зла и божьей кары. Хотя, например, католический историк конца XVIII — первой половины XIX в. Н. Фогт сделал Густава Адольфа героем исторической драмы, в которой шведский король выступает в качестве спасителя Германии и Европы от тирании императора-католика. Это повлияло на представления великого немецкого поэта Фридриха Шиллера, когда он сочинял свою «Историю Тридцатилетней войны».

Небезынтересно сравнить две объемистые биографии Густава II Адольфа, которые разделяет по времени написания более чем столетие, и которые принадлежат перу немецких историков Г. Дройзена и Г. Барудио. Дройзен в духе постулатов политической школы рассматривает шведского короля не как защитника протестантизма, а как политика, стремившегося к установлению шведского влияния на Балтике и в Германии. Барудио выступает против существовавшей вплоть до недавнего времени чрезмерной идеализации его образа. Вторжение Густава Адольфа в германские земли он сравнивает с экспедицией статхаудера Республики Соединенных провинций (Голландии) Вильгельма Оранского в 1688 г., ставшей началом Славной революции в Англии, и с действиями союзников против нацистской Германии в 1944 году. Для Барудио главной целью вторжения шведской армии является защита свобод германских князей, что, в общем-то, недалеко от идеализации². Что касается российской литературы, то в ней личность и жизнь самого Густава II Адольфа вызывала меньше интереса, чем его реформаторская и военная деятельность³.

Будущий шведский король Густав II Адольф (1611—1632 гг.) родился в замке Тре Крунур (Три короны) в Стокгольме в 1594 году. Имя новорожденному было дано в честь его знаменитого деда, родоначальника шведской династии Ваза — Густава I и в честь деда по материнской линии герцога Гольштейнского — Адольфа⁴. Отец мальчика — герцог Сёдерманландский Карл, ставший в 1604 г. под именем Карла IX королем Швеции, владетель Нючепинга (с 1634 г. Сёдерманланд), исполнял тогда функции наместника государства на время нахождения шведского короля Сигизмунда III Вазы (король Польский в 1587—1632 гг., король Швеции в 1592—1604 гг.) в Польше.

Сын шведского короля Юхана III и его жены польской принцессы Екатерины из династии Ягеллонов, Сигизмунд был воспитан матерью в католическом духе, что могло вызвать в протестантской Швеции конфессиональные раздоры. Мать Густава Адольфа — кронпринцесса Кристина Гольштейн-Готторпская была родом из Германии. Ее дедом был один из ведущих протестантских князей Германии эпохи Реформации ландграф Филипп Гессенский⁵. С ранних лет родным языком будущего шведского короля стал немецкий. Воспитание в немецкоязычной атмосфере и наличие немецких корней Густава Адольфа отразилось впоследствии на том, что в самой Священной Римской империи его не все воспринимали в качестве чужака-иностранца. Среди ближних и дальних родственников Густава Адольфа были князья Мекленбурга, Пфальца, Гессена и других земель.

Отец Густава Адольфа с раннего детства старался приобщить своего сына к политическим и военным делам, и тот оказался очень любознательным ребенком, особенно в том, что касалось военной науки. Этому в немалой степени способствовало его общение с солдатами и офицерами из окружения отца. В возрасте четырех лет Густав Адольф оказался свидетелем «кровавой бани» в Линчепинге, когда его отец устроил расправу над своими политическими противниками. После этого в своих детских играх будущий король, подражая отцу, заставлял своих товарищей становиться перед ним на колени, хотя в дальнейшем и не отличался особой жестокостью.

Наблюдая за переговорами отца с Сигизмундом III и посланниками папской курии, он, чувствуя настроения отца, стал испытывать неприязнь к католикам, сохранившуюся до конца жизни. В шестилетнем возрасте Густав Адольф принял участие в морском походе отца в Лифляндию. Становясь старше, он кроме политики и военного дела стал проявлять интерес к другим наукам и иностранным языкам, а также к поэзии и истории. Он закалял себя физическими упражнениями, научился стрельбе из огнестрельного оружия и верховой езде. Став старше, начал увлекаться карточными играми и прекрасным полом. Во время выездов на охоту он мог наносить ущерб крестьянским полям, но всегда хорошо платил за это. В юности он бывал довольно вспыльчив, торопился с принятием решений, но с годами стал более сдержанным и рассудительным, хотя всегда был готов ввязаться в бой⁶.

Его первыми учителями и наставниками были известные шведские ученые Юхан Шродерус (Щютте) и Юханес Буреус. Юхан Шродерус был назначен в качестве учителя Густава Адольфа в 1602 году. Два года спустя талантливый преподаватель получил дворянский титул под именем Юхана Щютте, а впоследствии занял пост генерал-губернатора Лифляндии⁷. Он преподавал будущему королю азы богословия, правописания и естественных наук. Юханес Буреус обучал юношу истории, одновременно прививая ему ненависть к католикам и Дому Габсбургов. Густав Адольф учился говорить на голландском и французском языках, а также изучал латынь⁸. Впоследствии, во время Тридцатилетней войны, эти знания оказали большую помощь шведскому монарху. Он проявлял качества умелого оратора и небезалапанного поэта в своих первых стихотворных опытах, что было характерно для сыновей представителей крупной земельной аристократии того времени, готовившихся как к государственной деятельности, так и к жизни королевского двора, где надо было блистать и очаровывать, играя роль или первого дворянина в королевстве или искусного придворного. Поначалу стремление отца подготовить Густава Адольфа с помощью жестких методов воспитания к будущей государственной деятельности вызвало то, что называется конфликтом поколений. Густав Адольф пытался найти свободу самовыражения в охоте, карточных играх и т.д., но затем привык. Будущий король пристрастился также

к музыке, а став королем, зачислял на придворную службу музыкантов, сопровождавших его в многочисленных поездках по стране⁹. Он начал писать труд по истории Швеции, где особое место занимала деятельность его деда Густава I Вазы.

Несмотря на то, что Швеция при Карле IX еще не занимала столь видного места в европейской политике, как это было позже, желание королевских и княжеских дворов породниться с династией Ваза было достаточно очевидным. Интерес к юному монарху был проявлен со стороны Англии, Вюртемберга и Бранденбурга. Однако юный Густав Адольф был всецело поглощен юной фрейлиной королевы Эббе Браэ, которая стала его первой большой любовью. В XVIII—XIX вв. романтическая связь Густава Адольфа и Эббы Браэ была предметом вдохновения для ряда шведских художников и писателей¹⁰. Род Браэ относился к верхушке шведской аристократии. Многие представители династии Вазы заключали брак внутри королевства¹¹, как это сделали дяди Густава Адольфа — Эрик и Юхан. Фактически ничто не служило преградой и для женитьбы на Эббе, не считая мнения матери, властной королевы Кристины, которая была против такого союза, ибо считала, что фрейлина не может стать королевой¹².

Густав Адольф даже сделал Эббе предложение руки и сердца, но предполагалось, что окончательное решение должен будет вынести отец девушки — граф Висингборгский Магнус Браэ. С одной стороны, отец очень желал породниться с королевской семьей, однако мысли о недовольстве предполагаемой женитьбой со стороны матери Густава Адольфа не позволяли ему принять определенное решение. Чтобы разлучить влюбленных, мать Густава Кристина Гольштейн-Готторпская отправила Эббу в замок Стремсхольм, где царил строгая атмосфера. Там на девушку осуществлялось психологическое давление. Одним из средств его было немедленное оповещение о рождении у Густава Адольфа внебрачного сына от вдовы голландского офицера во время очередной военной кампании. Это известие специально было направлено в Стремсхольм. В итоге во время отсутствия Густава Адольфа Эбба Браэ была выдана замуж за Якоба Делагарди, впоследствии известного шведского полководца и государственного деятеля.

30 октября 1611 г. от кровоизлияния в мозг скончался отец Густава Адольфа король Карл IX. В это время шведское государство находилось в тяжелом положении. Продолжались войны с Данией, Речью Посполитой и Россией. Все три войны были захватническими, велись не на шведской территории и были направлены на утверждение шведских притязаний на побережье Северного Ледовитого океана, упрочение позиций Швеции в Эстляндии и установление шведского господства в Новгороде, Пскове и на Ижорской земле, а также контроля за торговлей в Архангельске. В результате Кальмарской войны 1611—1613 гг. Швеция отказалась от территориальных претензий к Дании и выплатила контрибуцию в миллион риксдалеров серебром, подтвердив лишь право на беспопылинный проход шведских судов через Зунд. Война с Речью Посполитой носила затяжной характер без прямых столкновений. Что касается войны с Московским царством, то в результате длительных военных действий воюющие стороны истощили свои силы и в феврале 1617 г. заключили мир в Столбове, согласно которому шведам достались русские города на побережье Финского залива и карельские земли, но Новгород и Псков шведы были вынуждены вернуть Москве. Этот мир можно считать первым значительным внешнеполитическим успехом Густава Адольфа и его ближайшего соратника, с 1611 г. канцлера, умного и предприимчивого графа Акселя Оксеншерны, с именем которого впоследствии были связаны многие политические успехи Швеции. Столбовский мир стал основой для расшире-

ния влияния Швеции на Балтике. Теперь она могла сосредоточиться на войне с Польшей, заключить оборонительный союз с Республикой Соединенных провинций (Голландией) и получить от нее государственный заем, благодаря которому выкупить земли, заложенные ранее датскому королю. Возобновились также операции шведских войск в Ливонии против поляков, которые с 1621 г. вел сам король, взявший в сентябре 1621 г. Ригу. Однако ввиду недостатка финансов шведы вынуждены были уже в следующем году заключить перемирие с Польшей ¹³.

Восшествие Густава Адольфа на королевский престол не было легким. Согласно постановлению риксдага (парламента) 1604 г., занять престол он мог лишь по достижении совершеннолетия, то есть в двадцать четыре года, тогда как ему на тот момент было всего шестнадцать лет. До совершеннолетия править королевством должен был его кузен, сын покойного короля Швеции Юхана III — герцог Юхан Остерготландский (Эстергетландский). Ситуация осложнялась еще и тем, что по шведским средневековым законам именно герцог Остерготландский должен был стать законным наследником престола. Но в планы герцога Юхана это не входило. У этого человека в отличие от Густава Адольфа не было столь масштабных политических амбиций. Еще одним опасным конкурентом для Густава Адольфа в борьбе за трон мог стать другой его кузен — король Польский Сигизмунд III Ваза, у которого была серьезная политическая поддержка со стороны императора Священной Римской империи Рудольфа II. В итоге после двухмесячного правления в качестве управителя (в шведском языке данная должность получило название — riksföreståndare) вместе с вдовствующей королевой Кристиной ¹⁴, герцог Юхан Остерготландский в обмен на ряд земельных владений отказался от власти в пользу Густава Адольфа. Таким образом в возрасте семнадцати лет Густав Адольф стал полноправным королем Швеции.

Густаву II Адольфу предстояло подписать так называемое королевское заверение (kungaförsäkran) о том, что власть короны будет существенно ограничена ¹⁵, и ни один закон в государстве не может быть принят без согласия Государственного совета — риксрода, сословий Швеции и герцога Юхана Остерготландского. Это относилось к вопросам объявления войны, заключения мира, установления новых налогов и т.д. Согласившись подписать королевское заверение и взяв Акселя Оксеншерну на должность государственного канцлера, Густав Адольф заложил фундамент сотрудничества дворянского сословия и короны. Он хорошо усвоил уроки своего отца и понял, насколько важным в стране было влияние земельной аристократии, перед которой он теперь имел серьезные обязательства. Ведь именно аристократический Государственный совет наделил его властью, взамен чего юный король обязывался соблюдать старинные права и привилегии дворянства, вершить суд по старым законам, в результате чего верхушка дворянства укрепила свое положение и сплотилась вокруг трона, поддерживая активную внутреннюю и внешнюю завоевательную политику короля. Швеция перестала быть страной бондов, то есть свободных крестьян ¹⁶.

В принципе правление Густава Адольфа не было абсолютистским. Родственники короля в пределах своих родовых владений по сути были самостоятельными правителями, особенно это касалось брата короля Карла Филиппа, вдовы Густава I Вазы — Катарины Стенбок и герцога Юхана Остерготландского. Так, например, герцог Карл Филипп, правивший в Сёдерманланде, имел право чеканить монету, собирать налоги и влиять на правовую систему в своих землях. Эти обстоятельства требовали от шведского короля гораздо большей энергии в решении государственных задач, так как в осуществлении многих

важных планов требовалось вначале заручиться поддержкой других представителей политической элиты и аристократии.

Первым самостоятельным внешнеполитическим мероприятием Густава II Адольфа, в котором проявились его качества правителя и полководца, стала война с давним соперником Швеции — Датским королевством. Эта война, начавшаяся еще в годы правления Карла IX, получившая название Кальмарской, стала одной из самых кровопролитных для Швеции в раннее новое время. Густаву II Адольфу предстояло сразиться с сильным политическим соперником в лице датского монарха Кристиана IV. Принимая личное участие в ряде локальных операций, шведский король пытался склонить подчиненную Дании Норвегию к восстанию против Копенгагена. В одном из эпизодов войны Густав II Адольф едва не лишился жизни во время внезапного нападения датчан на шведский лагерь. Упав с лошади, Густав II Адольф имел все шансы пойти на дно реки под весом своего вооружения, но своевременная помощь генерала Пэра Банера спасла жизнь королю. Война принесла много финансовых и политических проблем обеим сторонам и завершилась подписанием мирного договора в Кнереде в 1613 году. Густав II Адольф уступил датчанам Финнмаркен, в то время как Эльвсборг удалось сохранить в счет уплаты 1 млн риксдалеров. Швеция оказалась вынуждена разрешить Дании беспрепятственно вести торговые операции в Риге.

Во время войны с Российским государством Густав II Адольф лично находился в районе военных действий. Это было время, когда он страдал от любви к Эббе Браэ, фактически навсегда разлученной с ним. К тому же это был первый раз, когда Густаву II Адольфу пришлось быть так далеко от дома в течение продолжительного времени. После пребывания в Або (шведское название финского Турку) и Выборге юному монарху пришлось надолго задержаться в Нарве, в окрестностях которой помимо обычных тягот войны царил ужасный голод. Терпя многие лишения, шведский король учился стойко переносить невзгоды и закалял свой характер. Но не обошлось и без любовных приключений. В Пскове шведский монарх увлекся некой Маргаретой Слотс, вдовой голландского офицера, сложившего голову в войне за Швецию. Среди прочих мимолетных увлечений короля этот случай был примечателен тем, что впоследствии у него родился сын, названный Густавом Густавссоном. Известность приобрела также интрижка молодого короля с Кристиной Флеминг, происходившей из Финляндии ¹⁷.

После осады Пскова начались затяжные дипломатические шведско-русские переговоры. Густав II Адольф между тем отправился домой через Финляндию. Во время переговоров Якоба Делагарди с московскими дипломатами шведский король старался контролировать их ход. Переговоры завершились заключением мира в Столбове ¹⁸.

В 1620 г. перед Густавом II Адольфом снова серьезно встал вопрос о заключении брака. Время юношеских увлечений прошло, надо было думать об интересах государства. Положение Швеции укрепилось, но в Европе уже началась война, грозившая втянуть в нее все страны континента, поэтому от выбора супруги для молодого шведского короля зависело многое в складывающейся расстановке сил на севере Европы. Властная королева-мать Кристина возлагала надежды на дочь ландграфа Морица Гессен-Кассельского. Но политическая и стратегическая близость Бранденбурга к Швеции оказалась решающим соображением. Намерение шведского монарха предложить руку и сердце Марии Элеоноре, сестре бранденбургского курфюрста Георга Вильгельма, было вполне осознанным политическим решением с двух сторон. Во-первых, закрепление связей с Бранденбургом, который находился вблизи от датской границы, позволило бы Швеции усилить давление на Данию. Во-

вторых, высока была вероятность, что именно Бранденбург станет первым кандидатом в наследование важной в стратегическом отношении территории Восточной Пруссии. Курфюрст рассчитывал, что в союзе со Швецией это сделать будет гораздо легче.

В 1620 г. Густав II Адольф совершил ознакомительную поездку в княжества Священной Римской империи, в деталях описанную 23-х летним капитаном Юханом Хандом, который был внуком шведского короля Эрика XIV. В целях конспирации Густав II Адольф первоначально осуществлял эту поездку под псевдонимом Нильса Эрикссона из Далахамна, впоследствии измененным на Густава Карлссона¹⁹. Во время путешествия Густав II Адольф сумел изучить психологическую обстановку в Империи, что было важно для проведения дипломатических переговоров в будущем и в последствии сыграло свою роль во время экспансии в 1630 году. По прибытии в Берлин Густав II Адольф послал письма вдове курфюрста Бранденбургского Анне, с которой ему впоследствии пришлось встретиться еще раз, но уже во время Тридцатилетней войны. По всей видимости, матримониальные планы шведского монарха были уже ей известны, хотя их, согласно информации Юхана Ханда, предполагалось держать в тайне. Именно в Берлине Густав II Адольф впервые увидел свою будущую жену и королеву Швеции Марию Элеонору. Симпатия двух молодых людей друг к другу была взаимной. Уже на следующий вечер к Густаву II Адольфу прибыл посланец от Марии Элеоноры с просьбой явиться к ней. Юхан Ханд откровенно признается в своих записях: «Насколько мне известно, Его Величество был поглощен беседой с девушкой, а после был удостоен поцелуя Ее княжеской Милости в ее покоях». Однако поиски невесты для короля не прекратились, и Густав II Адольф продолжал изучать другие кандидатуры. «Его Величество должен был найти себе пассию, которая бы благоволила ему больше остальных...»²⁰.

Но, посетив ряд княжеских резиденций после Берлина, Густав Адольф все больше склонялся к идее брака с Марией Элеонорой. Возвратившись в Швецию, король принял окончательное решение, и 25 ноября 1620 г. в Стокгольме состоялась торжественная церемония заключения брака с сестрой бранденбургского курфюрста. Дочь Густава Адольфа Кристина писала потом в своих мемуарах, что выбор короля был обусловлен тем, что Мария Элеонора оказалась наиболее выгодной невестой для шведской монархии в протестантском лагере. Но, живя в Швеции, Мария Элеонора никогда не чувствовала себя там как дома. Королева была красивой и мечтательной, но экзальтированной женщиной. Густав Адольф гордился своей женой, и многим они казались безупречной парой. Однако Мария Элеонора рассматривала государственные заботы мужа как препятствие для достижения полного счастья²¹.

Поездка по германским землям дала возможность молодому королю увидеть и изучить те условия, в которых спустя десять лет ему пришлось вести военные действия. После заключения брака Густав II Адольф считал нужным сосредоточиться на польском театре военных действий и борьбе с польским королем Сигизмундом III, с которым у него были личные и династические противоречия. Прибыв в Пернау в 1621 г., Густав II Адольф вместе с братом Карлом Филиппом и генералом Густавом Горном направил свои войска к Риге, ставшей главной целью кампании. Во время осады города шведы применяли новейшие достижения техники и артиллерии. Густав II Адольф проявил себя не только искусным полководцем, но и опытным воином, способным на непосредственное участие в самой осаде. После взятия Риги от тяжелой болезни умер единственный брат короля Карл Филипп. Его смерть в Нарве, последовавшая за смертью кузена короля герцога Юхана Остерготландского, позволи-

ла Густаву II Адольфу приобрести контроль над их землями, в результате чего позиции королевской власти стали более прочными.

В то время как шведский король участвовал в военной кампании в Лифляндии, в 1626 г. королева Мария Элеонора родила дочь — Кристину Августу²². Рождение ребенка было радостно встречено сторонниками короля, так как это было рождение наследницы престола, тем более, что первая беременность королевы закончилась рождением мертвой девочки, что очень сильно беспокоило Густава II Адольфа.

Во время военной кампании в Лифляндии шведский король стал непосредственным участником одного из сражений с поляками под Вальхофом в январе 1626 г., которое завершилось победой шведов. Именно в этой битве он смог закрепить свой авторитет и уважение не только среди солдат, но и снискать славу в Европе в качестве сильной личности, способной быть лидером в самых ответственных ситуациях. По приказу короля в Ригу для управления Лифляндией был отправлен Якоб Делагарди. В последовавшей затем военной кампании при Данциге Густав II Адольф был два раза серьезно ранен. Во время кампании 1626—1629 гг., особенно в победном для шведов сражении с поляками при Диршау в августе 1627 г., шведская армия воевала в реформированном виде. Эта победа показала ее силу и привлекла внимание антигабсбургской коалиции в составе Англии, Республики Соединенных провинций (Голландии) и Бранденбурга, ранее не соглашавшихся на условия Швеции уступить ей по одному порту на Балтийском и Северном морях и руководить флотом союзников. Не удалось шведской дипломатии склонить Московское царство и Трансильванию к началу военных действий против Речи Посполитой. Но противники Габсбургов в Западной Европе, прежде всего Франция и Республика Соединенных провинций, стремившиеся привлечь Швецию к участию в войне на их стороне, активно способствовали прекращению конфликта между Швецией и Речью Посполитой, особенно после поражения Дании от войск имперских полководцев Альбрехта Валленштейна и Иоганна (Жана) Тилли. В итоге в сентябре 1629 г. в Альтмарке было подписано шведско-польское перемирие, позволившее Густаву II Адольфу переключить свое внимание на подготовку военной экспедиции в земли Священной Римской империи.

Участвуя в военных кампаниях, шведский король одновременно уделял значительное внимание решению сложных внутривнутриполитических вопросов. Постепенное преобразование системы центрального и местного управления, административная реформа (1611 г.), принятие документов о привилегиях дворянского сословия (1612 и 1626 гг.), преобразование судебной системы (1614 г.), регулирование работы Государственного совета Швеции, финансовая реформа также как и становление Государственной канцелярии (1626 г.)

и другие мероприятия способствовали складыванию гибкой системы внутреннего политического управления. Формально не ущемляя и вроде бы укрепляя положение аристократии, Густав Адольф сумел взять всю верховную власть в стране в свои руки. В провинциях были введены должности подчиненных королю губернаторов, была создана королевская канцелярия, создавалась бюрократия по французскому образцу, проводилась политика протекционизма и меркантилизма. Эти реформы не были результатом усилий и идей одного только короля. Они во многом отражали требования дворянства, стремившегося к более активному участию в управлении государством²³. Благодаря этому удалось существенно сгладить социальные противоречия в Швеции, в особенности отношения между короной и дворянством, что позволило сосредоточить значительную часть ресурсов на укреплении внешней политики Стокгольма.

В то же время вполне в духе времени у Густава II Адольфа начали возникать планы формирования колониальной политики за пределами Европы, хотя у Швеции вряд ли хватило бы средств на ее проведение. Тем не менее, в 1626 г. была основана Шведская Южная компания, предназначенная для проведения торговых операций. Финансирование компании осуществлялось при личном участии шведского монарха. В 1637 г. была предпринята экспедиция в Вест-Индию, в результате которой появилась первая шведская колония в Америке, получившая название Новой Швеции.

В конце 20-х гг. XVII столетия особую роль в политике шведского короля стали занимать отношения со Священной Римской империей, что впоследствии проявилось в участии Швеции в Тридцатилетней войне. После вступления в военный конфликт против Габсбургов на стороне антигабсбургской коалиции Датского королевства в 1624 г. усилилась активность шведской дипломатии в отношении Копенгагена²⁴. Показательным моментом в шведско-датских переговорах в это время была встреча Густава II Адольфа и Кристиана IV в Ульфсбеке в 1629 году. Ход этих переговоров изложен в дневнике члена Государственного совета Габриеля Густавссона, брата государственного канцлера Акселя Оксеншерны, которому было поручено вести протоколы заседаний. Дневник служит хорошей иллюстрацией дипломатических талантов шведского короля. В самом начале переговоров Густава II Адольфа интересовали планы Кристиана IV в отношении имперских земель. Судя по ходу дискуссии, датского короля беспокоило, в первую очередь, строительство императором новых военных кораблей. Подобные опасения разделялись и Густавом II Адольфом, который соглашался использовать свой флот для предотвращения усиления императора на Балтике, но с намеком на относительную лояльность Копенгагена. «В случае, если Вы будете благосклонны ко мне, — говорил шведский король, — я позабочусь, чтобы мой флот был в боевой готовности для предотвращения выпадов противника»²⁵.

Густав II Адольф убеждал Кристиана IV, что ведение войны силами лишь датского королевства без вмешательства и, самое главное, политического лидерства Швеции, практически бесперспективно. Для этого нередко приводились аргументы о наличии определенного количества военных подразделений у Густава II Адольфа, прижимались тактические качества имперских полководцев. Аргументы шведской стороны сопровождалась и религиозными мотивами. Густав II Адольф не раз упоминал о том, что «...сам Господь сулит нам удачу, потому что мы боремся за праведное дело...» и добавлял, что еще ни одна армия в войнах со Швецией не противостояла тем силам, которые имеются у королевства теперь²⁶. Однако доводы Густава II Адольфа не могли повлиять на осторожную позицию Кристиана IV, опасавшегося решительных действий крупных имперских армий Валленштейна и Тилли.

В вопросе о финансировании военных предприятий Густав II Адольф пытался склонить Кристиана IV к более широкому использованию внутренних ресурсов Дании. По мнению шведского монарха, было бы разумно привлечь финансовые ресурсы дворянского сословия Дании. «Самое надежное и лучшее средство — это учет внутренних интересов шведов и датчан... Ваше Величество располагает, по меньшей мере, тысячей дворян в Вашем государстве, каждый из которых способен оказать помощь в размере 1000 талеров. Помимо этого можно использовать ресурсы королевства (Дании) и богатых городов в виде контрибуции»²⁷. Естественно, что навязывание такой перспективы вряд ли могло понравиться Кристиану IV, не желавшему обострять отношения королевской власти и дворянства. Наконец, попытки Густава II Адольфа склонить датчан к компромиссу путем упоминания о поддержке Шведского королевства Францией, Англией и Нидерландами, также не принесли желаемого успеха.

В итоге, несмотря на приведенные доводы, Густаву I Адольфу не удалось добиться желаемого результата и убедить Копенгаген встать на сторону Швеции, прежде всего, в вопросах о политическом лидерстве Стокгольма в возможном сотрудничестве между сторонами. Тем не менее, Густав II Адольф и его приближенные решили действовать, особенно после поражения Дании и заключения мира в Любеке в июле 1629 г., от которого Дания не пострадала в смысле территориальных потерь, но который выключил Данию из числа противников Габсбургов и возможных союзников Швеции. Как явствует из протоколов Государственного совета, в конце октября 1629 г. Густав II Адольф начал свое выступление с изложением главных проблем, которые волновали его относительно состояния дел в Священной Римской империи. «Существует две причины, по которым я принял решение созвать этот Совет... 1. Мирный договор с поляками. 2. Вторая — это не позволить императору взять нас за горло...». Как видно из дискуссий, главным был вопрос о том, каким образом необходимо вести военные действия, а именно — это должна быть война оборонительная или наступательная. По рассуждениям шведского короля, одним из преимуществ сугубо оборонительной политики могла стать возможность более гибкого маневрирования шведской и финской армиями. Шведский флот располагал 28-ю боевыми кораблями, к которым предполагалось прибавить еще 20 кораблей дружественных Стокгольму городов. Обладая такими морскими силами, Густав II Адольф стремился не допустить вторжения католических сил на территорию Швеции²⁸. Но нужно заметить, что вряд ли Габсбурги могли угрожать самой Швеции. Скорее всего, Густав II Адольф рассчитывал усилить позиции Швеции, использовав критическую ситуацию для противников Габсбургов в Империи и осуществив высадку на германском побережье Балтийского моря.

Оборонительный план войны, предлагавшийся рядом членов риксрода, мог бы быть менее дорогостоящим, но слишком высоки были ставки в этой игре. Впереди маячили перспективы установления в случае победы шведского господства на Балтике. От такой перспективы могло дух захватить и у менее честолюбивого и энергичного короля. Да и идея спасителя протестантизма от католической угрозы служила дополнительным мощным стимулом. Протестанты Европы и все противники Габсбургов ждали решения Густава Адольфа в пользу войны, и они не обманулись в своих ожиданиях. Доводы членов Государственного совета об «оборонительном» характере войны, под которым подразумевалась идея превентивной войны, основывались на необходимости «защиты Швеции» от возможной агрессии католических сил Священной Римской империи. Император Фердинанд II и его военачальники вполне могли оказать давление на Швецию, не прибегая к высадке на берега

Скандинавского полуострова. Речь шла скорее о подчинении протестантских княжеств на севере Германии и их рекатолизации.

Реституционный акт 6 марта 1629 г., согласно которому провозглашалось возвращение секуляризованных церковных владений в собственность католической церкви и разрешалось католическим князьям искоренять протестантизм, нанюгал протестантов и усилил их сопротивление. Выдающийся французский политик, первый министр Франции кардинал Ришелье незамедлительно отправил в Швецию своего агента Шарнасе, уверявшего шведского короля в том, что война, которую ведет Франция в Северной Италии из-за Вальтелины (местность, соединявшая владения испанских и австрийских Габсбургов), не мешает ей помогать Швеции, так как Франция сдерживает силы испанцев, и что германские князья будут разбиты, если им не оказать помощь шведским вторжением. Но самым весомым аргументом было обещание предоставить финансовую помощь. Густав Адольф обратился к имперским чинам с воззванием по поводу злоупотреблений императора, которые он готов помочь устранить, после чего князья начали посылать ему свои предложения относительно совместных действий против императора. Результаты миссии Шарнасе произвели весьма положительное впечатление на Ришелье и Людовика XIII, поручивших послу вести прямые переговоры с Густавом II Адольфом о заключении союза между Францией и Швецией²⁹. В итоге в мае 1630 г. шведский король получил благословение Государственного совета и риксдага на начало экспансии в Империю.

На борту корабля еще до знаменитой высадки на острове Узедом 4 июля 1630 г. Густав II Адольф составил манифест, вскоре разосланный по всей Германии и приобретший в последующей протестантской традиции славу как манифест в защиту протестантизма и Швеции, свободы имперских чинов и свержения владычества Дома Габсбургов. Существовала версия, что политика Швеции была направлена на установление нарушенного Габсбургами равновесия сил в Европе, для чего требовалось сломить доминирование Габсбургов. Американский исследователь М. Робертс и шведский историк Й. Розен подчеркивали также стремление шведского короля защитить позиции собственной династии от посягательств польской линии династии Ваза. В. Там ставил на первое место экономические мотивы вступления Густава II Адольфа в Тридцатилетнюю войну³⁰. Другой представитель шведской исторической школы — К. Самуельсон отметил, что реальные интересы государства в этом вопросе заключались в необходимости обрести господство на Балтике³¹.

В манифесте говорилось о морской торговле, нарушении соотношения сил в региональном масштабе и неправомерности неслыханного звания «генерал Океана и Балтийского моря», присвоенного Альбрехту Валленштейну, о пошатнувшейся репутации шведского короля, о том, что пострадали его друзья, соседи и кровные родственники, а с послами, которые должны были вести переговоры о мире, варварски обошлись. Правовым обоснованием вступления Швеции в войну становилось положение о «праве на защиту» (*jus defensionis*). Шведский манифест в большей степени был составлен как документ с обоснованием «справедливой войны» в духе своего времени. Шведская политика с конца XVI в. была направлена против католических соседей и прежде всего против Польши, а с началом Тридцатилетней войны и против Габсбургов и императора, и в этом смысле Густав Адольф и Оксеншерна действовали как лютеранские правители от имени евангелического бога, но не мысля эсхатологическими и апокалиптическими категориями подобно кальвинистам. Эти обстоятельства делали шведский манифест 1630 г. документом одновременно войны в целях укрепления государства и религиозной

войны. В целом главной причиной войны являлось стремление шведской короны к гегемонии на Балтийском море и в Северной Европе, что требовало ослабления Габсбургов. Защита протестантизма была, так сказать, воодушевляющим фактором.

Кроме прочего, на протяжении последующих столетий вопрос о характере вмешательства Швеции в Тридцатилетнюю войну был тесно переплетен с предположениями о том, что Густав II Адольф стремился завладеть императорской короной. Еще в ноябре 1629 г. на заседании Государственного совета Швеции ставился вопрос о том, способствует ли возможное активное наступление шведов «причинению вреда императору или нет»³¹.

Когда императору Фердинанду II сообщили о высадке шведской армии, он пренебрежительно произнес: «одним противником (Feinderl) больше!». Император явно недооценил степень готовности шведских войск. Между тем получившая боевой опыт во время войн в Прибалтике шведская армия представляла значительную силу, став в смысле организации боевой подготовки и тактики самой передовой армией в Западной и Центральной Европе. Но она еще не успела проявить себя на полях сражений в Германии и поэтому ее сила и возможности были в известной степени тайной для имперских полководцев. Во время правления Густава II Адольфа были созданы национальные в своем ядре военные силы, хотя на службе находились также выходцы из различных стран. Когда армия Густава Адольфа высаживалась на Узедоме, она наполовину состояла из шведов. Затем в ходе военных действий доля иностранных наемников в ее составе значительно увеличилась. Кроме набора добровольцев осуществлялся принудительный призыв на военную службу сыновей крестьян и бюргеров местными властями. Вся территория страны была разделена на десять военных округов, делившихся на территории, поставлявшие территориальные полки. Офицерский состав состоял преимущественно из дворян, которых обязывали поступать на военную службу, одновременно предоставляя большие экономические и политические привилегии. Но иногда все еще использовалось ополчение из бондов³². Пехота формировалась с помощью системы набора в войско, когда из одной «роты» — 10 крестьян мужского пола — выставлялся один солдат. Офицерам, оказавшимся теперь не членами рыцарского ополчения, а фактически государственными служащими, корона предоставляла казенное жилье. Для поддержания боевого духа солдат и их большей дисциплинированности в отношении местного населения Густав Адольф позволял им даже брать с собой в походы жен³³.

Густав II Адольф усовершенствовал вооружение пехоты, намного уменьшив калибр мушкетов. Шведские пехотные полки стали состоять на две трети из мушкетеров, появились отдельные мушкетерские полки, сократилось количество пикинеров, но пики продолжали использоваться и мушкетерами, при боевом построении располагавшимися по краям, тогда как пикинеры находились в центре. Полк насчитывал до 1300—1400 человек, при боевом порядке впереди строился один батальон, а два батальона находились позади. С помощью сложных построений образовывались непрерывные линии, на флангах которых находились кавалерийские эскадроны драгунов и кирасиров, освобожденных от доспехов, что увеличивало скорость их движения, тем более что Густав Адольф требовал проведения кавалерийской атаки на полном скаку. Большое продвижение было достигнуто и в артиллерии с помощью введения чугунных 4-фунтовых орудий весом 310 кг, перевозимых парой лошадей и производивших в три раза больше выстрелов, чем это делал мушкет. Кроме того, шведский король уделял большое внимание систематической строевой подготовке, считая ее важным средством укрепления воин-

ской дисциплины. Частью военной реформы и подготовки к вторжению в Германию являлось также увеличение количества и модернизация морских кораблей³⁴.

Густав II Адольф проявил достаточную хитрость и изворотливость при подготовке финансового обеспечения военных действий. С одной стороны, он рассчитывал на доходы от торговли с северогерманскими портами, через которые велась торговля добываемыми в Швеции медью и железом. С другой стороны, риксдаг выделял ему на ведение войны 900 тыс. риксдалеров. Кроме того, шведскому королю удалось получить финансовую помощь от Франции в качестве равноправного союзника. Сначала шведская корона попросила у Ришелье ежегодной небольшой помощи, но, когда шведская армия вошла в Германию, стало ясно, что расходы увеличатся во много раз, и оплачивать их придется из французской казны с помощью «дипломатии пистолетов». Согласно франко-шведскому договору, подписанному 31 января 1631 г. в Бервальде, Франция обязывалась в течение пяти лет оказывать финансовую помощь шведскому королю в размере 5 млн ливров при условии сохранения территориальной неприкосновенности Баварии, а Швеция должна была выставить 30-тысячную армию и уважать права католиков в районах дислокации шведов. Полного согласия между французской и шведской коронами не было, так как Густав Адольф стремился не только к захвату многих территорий в Германии, но и к торжеству в них Реформации, что не согласовывалось с планами Ришелье, стремившегося нанести поражение Империи, не нанося ущерба католическим княжествам. Договор в Бервальде открыл шведским войскам дорогу в Германию и дал возможность Ришелье оттянуть вступление Франции в войну на пять лет, проводя политику блоков в Империи и давая Франции рычаги управления как в отношении Швеции и протестантских князей, так и католических князей. Другим, но уже скрытым способом финансирования шведской армии, был беспощадный экспорт зерна, селитры и ряда других товаров из Московского государства в Швецию, так как московские правители надеялись на союз со Швецией в борьбе против Польши³⁵.

Конечно, армия шведского короля была маленькой по сравнению с армией Валленштейна. Но важны были психологические моменты. 17 августа 1630 г. благодаря интригам агента Ришелье отца Жозефа и немецких курфюрстов Валленштейну было предложено уйти в отставку. Высадка Густава II Адольфа на севере Германии имела довольно символическое значение для немецких протестантов, так как 25 июня за сто лет до этого на Аугсбургском рейхстаге были впервые изложены в виде официального документа основные принципы лютеранства в «Аугсбургском исповедании»³⁶.

Поначалу уставшее от грабежей и насилия со стороны императорских армий местное население благожелательно встречало шведского короля и его войско, которое по контрасту с наемниками Валленштейна и Тилли вело себя сдержанно. Впоследствии, уже войдя в глубь Германии и увеличившись за счет наемников разных национальностей, шведская армия начала сама себя кормить, грабя население. Густав II Адольф объявлял себя защитником народа Германии и протестантских князей, декларируя свой девиз «С Господом и победоносным оружием». Именно тогда у протестантов Северной Германии Густав II Адольф получил символическое прозвище «Северный лев».

Но ни один из крупнейших протестантских чинов Старой империи не выражал открытого желания вступить в союз со шведами. Саксонский курфюрст Иоганн Георг I не ответил на послание шведского короля. Курфюрст Бранденбургский Георг Вильгельм, опасавшийся негативной реакции импе-

ратора и его войск, в ответ на предложение заключить союз заявил о своем нейтралитете. Позиция его была во многом объяснима: сам он был кальвинистом в лютеранской земле, женат был на сестре курфюрста Пфальцского Фридриха V, Густаву Адольфу приходился зятем (братом жены), а шведский король принуждал его к вступлению в союз протестантов. Сам он хотел остаться верным императору, тогда как император и Валленштейн своими действиями угрожали Бранденбургу и собирались лишить его звания курфюрста. Такое поведение бранденбургского курфюрста раздражало Густава Адольфа и расценивалось им как «осторожное бездействие» Георга Вильгельма. Шведская армия медленно маневрировала вдоль границ Бранденбурга, не имея возможности зайти с востока, не нарушив мира с Речью Посполитой или с запада, вторгшись во владения герцогов Брауншвейгских³¹. Нужны были еще союзники, тайные и явные, чтобы колеблющиеся бранденбургский и саксонский правители могли примкнуть к антигабсбургской коалиции или хотя бы пропустить шведские войска через свои земли.

Пока шведская армия маневрировала, Густав II Адольф лично вел дипломатические переговоры с агентами французского короля, ландграфа Гессенского, герцога Померанского, лишеного титула курфюрста, но имевшего сторонников маркграфа Пфальцского Фридриха V, герцога Ангальтского³². Переговоры давали надежду на создание широкой коалиции при финансовой поддержке Франции. Тем временем на съезде протестантских князей в Лейпциге под предлогом защиты нейтралитета германских земель было решено собрать сильную армию. Курфюрсты Саксонский и Бранденбургский пытались поторговаться с императором, обещав лояльность в обмен на отмену направленного против протестантов Реституционного акта 1629 года. Но Фердинанд II объявил решение Лейпцигского конвента нарушающим имперскую конституцию и направил на северо-восток 30-тысячную армию под командой Тилли. Армия Густава Адольфа начала действовать энергичнее, овладев сначала столицей Померании Штеттином в устье Одера, а затем Грейфенгагеном. Следующим шагом шведского короля было взятие важного в стратегическом отношении Франкфурта-на-Одере. Тогда Тилли решил осадить восставший протестантский Магдебург в надежде, что Густав Адольф поспешит на помощь городу и будет разбит превосходящей армией императора. Но происшедшее 10 мая 1631 г. взятие, разграбление и сожжение Магдебурга армией императора произвело обратный эффект. Напуганные правители Саксонии и Бранденбурга пошли на заключение договора со Швецией, особенно после решительного продвижения армии «Снежного короля» к Берлину.

Тилли попытался склонить к совместным действиям против шведов курфюрста Саксонского, но тот направил свои войска под командой Ганса фон Арнима к Торгау на Эльбе на соединение со шведской армией, которое произошло 15 сентября. На объединенном военном совете было решено напасть на армию Тилли до того, как к ней подойдет подкрепление. Сам Тилли предпочитал выжидать на позиции под Лейпцигом, тогда как командующий кавалерией граф Готфрид Паппенхайм рвался в атаку. 17 сентября произошло знаменитое сражение при Брейтенфельде близ Лейпцига. Хотя силы противников были примерно одинаковыми (армия союзников состояла из 19 тыс. шведов и 15 тыс. саксонцев, а имперское войско — из 32 тыс. человек), оказалось преимущество шведов в артиллерии (75 орудий против 28) и боевом построении, обеспечивавшем большую маневренность шведским батальонам над квадратными колоннами имперцев. Использувавший старую тактику и построение войска терциями (глубоким сомкнутым строем) Тилли не смог разбить противника по частям и тем самым позволил шведам использо-

вать огневую мощь их артиллерии и маневренность пехоты, сражавшейся рассыльным строем и не давшей имперцам действовать так, как они хотели»³⁹.

Победа под Брейтенфельдом произвела сильное впечатление на современников. Во Франции даже опасались, что Густав Адольф попытается объединить германские земли под своим протекторатом. Преимущество Швеции в Империи казалось неоспоримым. Напуганный император снова призвал к себе на службу Валленштейна, который начал собирать новую армию. Но Густав Адольф вместо того, чтобы двинуться на Вену, совершил рейд на запад Германии. Опьяненная крупными успехами, шведская армия прошла вдоль реки Майн по направлению к Рейну. 18 октября шведский король овладел Вюрцбургом, а 22 декабря, в канун Рождества, он был уже в Майнце, сделав резиденцию имперского эрцканцлера местом своего временного пребывания. По пути продвижения в глубь Германии шведская армия пополнялась новыми отрядами наемников-иностранцев, нередко даже католиков. Это приводило к тому, что лозунги протестантской солидарности, характерные для эпохи Конфессионализации, постепенно уступали место откровенно завоевательным планам шведского монарха. Последующее продвижение Густава II Адольфа в глубь Империи вполне доказало это утверждение. Однако авторитет «Снежного короля» в качестве защитника протестантизма был еще достаточно велик, да и необходимость проведения успешной войны не оставляла Густаву II Адольфу выбора. Проявление излишней жестокости к местному населению со стороны шведской армии в ряде случаев каралось смертью, причем по инициативе самого же короля, но это были избирательные моменты, так как иногда король отдавал на разграбление целые города, ничем не отличаясь от имперских главнокомандующих.

Во время пребывания в Майнце зимой 1631—1632 гг. авторитет шведского короля в европейской политике необычайно вырос. Казалось, что Густав II Адольф держал в своих руках будущее Европы. В залах майнской резиденции короля постоянно дожидались аудиенции германские князья. В конце января 1632 г. на берега Рейна прибыла и королева Мария Элеонора. Неделью спустя в расположении шведской армии и свиты монарха оказался и канцлер Аксель Оксеншерна.

Основной целью теперь провозглашалось создание союза протестантских государств под эгидой Швеции. Это послужило основой для распространения слухов о том, что в намерения Густава Адольфа входило овладеть императорской короной. Но до настоящего времени каких-либо доказательств этого документального характера не зафиксировано. Сам король к этому моменту достиг уже гораздо больше того, о чем мог ранее мечтать, и именно теперь перед ним открывались блестящие возможности усиления позиций Швеции в европейских делах. Но обращение императора Фердинанда II к Валленштейну грозило соединением войск Валленштейна и Католической Лиги в тылу шведской армии, которая могла оказаться отрезанной от союзников в Северной Германии и от баз в Швеции. Густав Адольф поспешил в Баварию и 15 апреля в сражении у Райна на реке Лех нанес поражение армии Католической Лиги под командованием Тилли, который был смертельно ранен и 30 апреля скончался⁴⁰. 17 мая 1632 г. король демонстративно въехал с Фридрихом V Пфальцским в захваченный шведскими войсками Мюнхен, в котором были реквизированы принадлежавшие Максимилиану Баварскому коллекции произведений искусства. Франция не могла помочь Максимилиану, пока армия Лиги сражалась со шведами.

Перед Густавом Адольфом открывалась возможность нанести удар в сердце родовых владений Габсбургов, направившись к Вене. Но успешные действия Валленштейна, собравшего новую большую армию, против союзника

Швеции — Саксонии вынудили Густава II Адольфа повернуть на север. Верный своей тактике шведский король хотел с помощью генерального сражения решить исход кампании в пользу шведов. Но Валленштейн уклонялся от решающей битвы, опасаясь потери войска и проигрыша всей кампании. К тому же, как стало известно позднее, в это время Валленштейн при посредничестве саксонского главнокомандующего Арнима вел тайные переговоры со шведским королем о заключении сепаратного мира. Стояние в Нюрнберге было для Густава Адольфа хуже, чем поражение в открытом сражении. Авторитет шведской армии падал, бесцельное передвижение после блестящих успехов 1631 г. ослабляло моральный дух войска. Валленштейн направился в Саксонию, где занял Лейпциг и окрестности. Из-за опасности потерять саксонского союзника Густаву Адольфу пришлось проследовать к Эрфурту и Наумбургу. Валленштейн расположил свои войска как бы рассекая своих противников на две группировки для того, чтобы они не объединились и не двинулись на Вену. Но для этого ему пришлось направить армию Готфрида Паппенхайма в направлении Халле и Мерзебурга, а отряды под командой Рудольфа Коллоредо послать к Вайсенфельсу, что впоследствии было вменено Валленштейну в вину как доказательство измены или малодушия. Это не означало, однако, что войска расплылись, так как вскоре Валленштейну удалось собрать их вместе. Стремясь соединиться с люнебург-саксонскими отрядами или же нанести поражение имперцам, Густав Адольф двинулся вперед.

15 ноября 1632 г. на подступах к городку Лютцен близ Лейпцига шведские войска оказались лицом к лицу с армией Валленштейна. После состоявшегося ночью военного совета Густав Адольф, имевший 10 600 человек пехоты, 6250 кавалерии и 60 орудий, решил утром 16 ноября атаковать боевые порядки имперцев, у которых насчитывалось 8 тыс. человек пехоты, 4 тыс. всадников и 21 тяжелое орудие. Шведскую армию в этой кампании могли спасти только решительные наступательные действия. Это прекрасно понимал сам Густав Адольф, решив как истинный рыцарь вдохновить войска своим примером. Поначалу атака не получилась из-за густого тумана. В половине двенадцатого туман немного рассеялся, и имперцы открыли артиллерийский огонь. Густав Адольф обнажил шпагу и дал сигнал к наступлению. Постепенно шведский король оказался на самом опасном, правом фланге своей армии. Одновременно в сражение ввязался Паппенхайм, который был вскоре смертельно ранен, его кирасиры повернули назад, а за ними двинулись остальные части армии Валленштейна. Считается, что в то же самое время был ранен выстрелом из мушкета увлекшийся атакой Густав Адольф. Испуганная лошадь понесла. Чтобы предотвратить начавшуюся панику, король, преодолевая боль, снова призвал своих солдат в атаку. В пыльном дыму Густав II Адольф в сопровождении эскорта оторвался от основной части своего войска. Он получил еще несколько ранений и вылетел из седла. Зацепившийся за стремя лошади король был еще жив, когда пуля из мушкета попала ему в голову. Однако шведские войска не дрогнули, а командование взял на себя герцог Бернгард Саксен-Веймарский, решивший начать вторую атаку на позиции имперцев, что обеспечило шведам удержание тактической инициативы. В итоге имперцы потерпели поражение и отошли к Лейпцигу. Узнав о гибели Густава Адольфа, Валленштейн произнес такую фразу: «Это счастье для меня и для него, что он ушел туда. Германская империя не смогла носить две такие головы!». Для Валленштейна сражение при Лютцене стало во многом поворотным — его заподозрили впоследствии в измене и по приказу императора убили в феврале 1634 г. в крепости Егер. Кожаный колет шведского короля был доставлен в качестве доказательства

его гибели в Вену и представлен императору, который сказал, что пожелал бы несчастному долгой жизни и радостного возвращения в его королевство, если бы только в Германии был установлен мир⁴¹.

Для приближенных и соратников Густава II Адольфа, как и для всей Швеции, его гибель стала сильным потрясением. Тело короля было забальзамировано, через Германию провезено по пути, получившем название «улица Густава», доставлено в Грейфсвальд, откуда в феврале 1633 г. вывезено в сопровождении шведского флота в Стокгольм. Там тело было выставлено в самой знаменитой церкви Стокгольма Риддарсхольмскюркан на острове Риддарсхольмен, в которой покоятся останки многих шведских королей, справа от алтаря. Позднее при короле Густаве III в этой церкви был сооружен и с большой pompой открыт склеп специально для гроба с телом Густава II Адольфа. В 1633 г. шведский риксдаг официально провозгласил этого короля «Великим». В Швеции и по сей день Густав Адольф почитается как один из главных национальных героев, что заметно всем, кто посещает эту страну, особенно Стокгольм и университетский город Уппсалу.

Примечания

1. GRIMBERG C. Svenska Folkets underbara öden. Gustav II Adolfs, Kristinas och Karl X Gustavs tid. Stockholm. 1915; AHLUND N. Gustav Adolf den store. Uppsala. 1932; ROSEN J. Westfaliska freden. Den svenska historien. Gustav Adolfs och Kristinas tid 1611—1654. Stockholm. 1967.
2. DROYSEN G. Gustav Adolf. Leipzig. 1869—1870; BARUDIO G. Gustav Adolf — der Grosse. Eine politische Biographie. Frankfurt am Main. 1982; DUCHARDT H. Niklas Vogt und Gustav II Adolf. Berlin. 2007, S. 521—531.
3. СВАНИДЗЕ А.А. Король Густав II Адольф, реформатор и полководец, на фоне Швеции и династии Ваза. Человек XVII столетия. Ч. 1. М. 2005; История Швеции. М. 1974; ПОРЦНЕВ Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976.
4. ROBERTS M. Gustav Adolphus. A History of Sweden 1611—1632. Vol. 1. L.-N.Y.-Toronto. 1953, p. 17.
5. JUNKELMANN M. Gustav Adolf (1594—1632): Schwedens Aufstieg zur Grossmacht. Regensburg 1993, S. 51.
6. LINDQUIST H. När Sverige blev stormakt. Historien om Sverige. Stockholm. 1996, s. 20—28.
7. ERIKSSON G. Johan Skytte som kansler och filosof. Gustav II Adolf och Uppsala universitet. Uppsala. 1982, s. 111.
8. ROSEN J. Op. cit., s. 21.
9. KJELLBERG E. Musik och musikutövning vid Gustav II Adolfs och Maria Eleonoras hov. — Gustav II Adolf och Uppsala universitet, s. 163—164.
10. HENRIKSSON A. Nordens historier i bilder och beläten. Stockholm. 1970, s. 133.
11. JUNKELMANN M. Op. cit., S. 77.
12. ROSEN J. Op. cit., s. 23.
13. NILSSON S. De stora krigens tid. Om Sverige som militärstat och bondesamhälle. Uppsala. 1990, s. 150; История Швеции, с. 185—187.
14. ROBERTS M. Op. cit., p. 55.
15. ABERG A. Ver svenska historia. Lund. 1979, s. 192.
16. JUNKELMANN M. Op. cit., S. 55.
17. GÖRANSSON G. Gustav II Adolf och hans folk. Stockholm. 1994, s. 80.
18. Mittheilungen aus dem Briefwechsel des Grafen Jakob De la Gardie. Nebst einem Anhang betreffend Correspondenzen des Grafen Johann Oxensjerna. Leipzig. 1894, S. 9.
19. Johan Hands Dagbok under K. Gustaf II Adolfs resa till Tyskland 1620. Stockholm. 1879, s. 5—8.
20. Ibid., s. 18, 24.
21. Mémoires de Christina reine de Suède. T. 1. Paris. 1830, p. 3—7.
22. LEWIS P. Queen of Caprice. A Biography of Kristina, Queen of Sweden. L. 1962, p. 22; Кристина получила трон по наследству после гибели отца, став самостоятельной правительницей с 1644 г., но через десять лет уступила престол двоюродному брату Карлу Густаву, затем перешла в католическую веру и умерла в Риме в 1689 году.
23. СВАНИДЗЕ А.А. Ук. соч., с. 30—36; История Швеции, с. 187—188; LOCKHART P. Sweden in the Seventeenth Century. Basingstoke. 2004, p. 23—32.

24. LINDE-LAURSEN A. Det nationale nature. Studier I dansk-svenske relationer. Lund. 1995, s. 17.
25. Riksrådet. Gabriel Gustafsson Oxenstiernas berättelse om: mötet mellan k. Gustaf Adolf och k. Kristian IV i prestgården Ulfsbäck i Markaryds socken i Smaland. Stockholm. 1881, s. 5.
26. Ibid., s. 7—9.
27. Ibid., s. 11.
28. Svenska Riksrådets protokoll med understöd af statsmedel i tryck utgifvet av konigl. Bd. I. Stockholm. 1878, s. 218—219.
29. Ibid., s. 219; WEBER H. Frankreich, Kurtrier, der Rhein und das Reich 1623—1635. Bonn. 1969, S. 83, 100; Mémoires de Richelieu. T. X. Paris. 1931, p. 145, 148, 153—154, 159, 165—166, 175, 181—195, 306—307.
30. WEIBULL M. Gustav II Adolf. Sveriges historia från äldsta till våra dagar. Stockholm. 1881; AHLUND N. Axel Oxenstierna intill Gustav Adolfs död. Stockholm. 1940; ROBERTS M. The Swedish Imperial Experience 1560—1718. Cambridge. 1979; THAM W. Den svenska utrikespolitikens historia 1560—1648. Bd. 1—2. Stockholm. 1960.
31. Svenska Riksrådets protokoll..., s. 226.
32. СВАНИДЗЕ А.А. Ук. соч., с. 36—38; РАЗИН Е.А. История военного искусства XVI—XVII вв. СПб. 1999, с. 386—389.
33. МЕЛИН Я., ЮХАНССОН А., ХЕДЕНБОРГ С. История Швеции. М. 2002, с. 104; SJÖBERG M. Stormaktstidens krig — och kvinnor. Något om betydelsen av perspektiv. — Historisk tidskrift, 2007. № 2, s. 203—223.
34. Svenska Riksrådets protokoll..., s. 229.
35. ECKHOLM L. Svensk krigsfinansiering 1630—1631. Uppsala. 1974, s. 9; ERLANGER-PH. Richelieu. Paris. 1996, p. 403, 420—421; KNECHT R.J. Richelieu. L.-N.Y. 1994, p. 94—98; ФЛОРЯ Б.Н. Россия и европейская система международных отношений (конец XV — первая половина XVII в.) — Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре. М. 2009, с. 25—26.
36. OREIDSSON S. Gustav Adolf, Sverige och Trettioåriga kriget. Historieskrivning och kult. Lund. 1993, s. 9.
37. MALMBORG M. Neutrality and State Building in Sweden. N.Y. 2001, p. 28.
38. Die Verhandlungen Schwedens und seiner Verbündeten mit Wallenstein und dem Kaiser von 1631 bis 1634. Leipzig. 1888, S.53—55, 124—130, 194—195; Documenta Bohemica Bellum Tricennale Illustrantia. T. V. Der Schwedische Krieg und Wallensteins Ende. Quellen zur Geschichte der Kriegereignisse der Jahre 1630—1635. Praha. 1977, S. 49—52.
39. РАЗИН Е.А. Ук. соч., с. 409—416.
40. KAISER M. Politik und Kriegsführung. Maximilian von Bayern, Tilly und die Katholische Liga im Dreißigjährigen Krieg. München. 1999, S. 60—61, 508—511, 526—527.
41. ROBERTS M. Gustav Adolphus..., vol. 2, p. 769; РАЗИН Е.А. Ук. соч., с. 418—422.